

В глазах ошеломленной толпы все выглядело так, будто Чу Вэй прямо в воздухе умудрился оттолкнуть Чжао Кэ. Смягчив удар, он сбросил ее прямо на копну сухой травы, а сам рухнул следом — навзничь, не удержавшись на ногах и прокатившись по земле.

Но для самого Чу Вэя все выглядело иначе. Он видел, как Шифу мягким толчком ладони отбросил девушку в сторону, подхватил его на руки и бережно опустил на землю, приняв весь удар на себя и укрыв его надежным барьером из чистой духовной силы.

Чу Вэй порывисто вскочил. Взгляд его приковал высокий мужчина, и юноша замер, не в силах шевельнуться.

Шифу был намного выше его. Стройную, статную фигуру облегалo длинное угольно-черное ханьфу, спина оставалась идеально прямой, а шелковистые волосы длиной до самого пояса свободно струились по спине. Вся его фигура дышала ледяным, неприступным величием — к такому человеку не каждый осмелился бы даже приблизиться. От одного лишь взгляда на этот силуэт со спины у Чу Вэя перехватило дыхание.

Он впервые видел лицо наставника. За долгие годы, проведенные бок о бок, этот мужчина стал самым важным человеком в его жизни. И вот наконец они встретились воочию. Сердце Чу Вэя заколотилось так бешено, словно готово было вырваться из груди, а дыхание перехватило от нахлынувшего восторга. Перед ним стоял его Шифу — тот, о ком он грезил все эти годы.

Чу Вэй только хотел сделать шаг навстречу, чтобы получше разглядеть лицо наставника, как вдруг в уши ворвался нестройный гул голосов.

— Чу Вэй, ты цел?

— Чу Вэй, как ты? Скорую, скорее звоните в скорую! Чего вы стоите?!

— Чу Вэй, да скажи же хоть слово! Ты цел? Ничего не сломал?

В мгновение ока его окружила толпа. Не видя Шифу, люди не понимали, почему юноша застыл как вкопанный, и решили, что он сильно ударился при падении. Они взволнованно заглядывали ему в лицо.

Чу Вэй поднял глаза и сквозь плотное кольцо обступивших его одноклассников посмотрел на наставника. Однако тот лишь холодно фыркнул, слегка повернул голову вполборота и, даже не взглянув на ученика, растаял в воздухе.

Сердце Чу Вэя сжалось от дурного предчувствия: Шифу рассердился.

Лишь когда силуэт наставника растаял, Чу Вэй наконец обратил внимание на толпу. Вокруг него уже яблоку негде было упасть — все взволнованно перешептывались, оглядывали его с

ног до головы, так что дышать в этом плотном кольце стало тяжело.

Чу Вэй отряхнул налипшую на одежду сухую траву и грязь, после чего негромко произнес:

— Со мной все в порядке. Лучше посмотрите, как там Чжао Кэ.

— Ты серьезно? Четвертый этаж! Невозможно упасть оттуда и совсем не пострадать!

— Чу Вэй, если где-то болит, не молчи, не надо строить из себя героя!

— Голова не кружится? Тошнит?

Голоса сыпались со всех сторон, превращаясь в сплошной нестройный гул.

Понимая, что переубеждать их бесполезно, Чу Вэй не стал ничего объяснять. Он просто протиснулся сквозь толпу и уверенным шагом направился к Чжао Кэ. Видя, как легко и свободно он двигается, окружающие почувствовали, что мир вокруг окончательно сошел с ума. Возле Чжао Кэ тоже собралось немало народу. Классная руководительница Цзи Сюэпин крепко прижимала к себе дрожащую девушку, пытаясь успокоить ее.

Чу Вэй только подошел ближе, как тишину разорвал оглушительный мужской крик:

— Паршивка! Жизнью она мне тут угрожать вздумала, с крыши прыгать?! Я тебя, тварь такую, растил, кормил, поил, а ты мне отплатить решила?! Совесть у тебя вообще есть?!

Расталкивая зевак, в толпу ворвался мужчина лет пятидесяти. От него за версту разило дешевым алкоголем. Едва завидев Чжао Кэ, он зашелся истошным криком.

— Подохнуть решила?! Валяй! Только сначала верни до копейки все, что я на тебя потратил, дрянь неблагодарная!

Следом за ним семенила немолодая женщина. Она безуспешно пыталась удержать мужа за рукав:

— Перестань, на нас же люди смотрят! Давай заберем Кэкэ и дома поговорим!

Мужчина грубо отпихнул ее. Его ноги заметно заплетались, но затыкаться он и не думал. Повернувшись к жене, он злобно рявкнул:

— Домой?! Какого черта домой?! Раз подыхать не боится, то и терять ей нечего! Отвезем ее к директору Цзяну, пускай там отработывает. С этого дня она нам больше не дочь!

Если до этого никто не понимал, почему Чжао Кэ решилась на такой отчаянный шаг, то теперь эти грязные, пьяные откровения заставили всех содрогнуться. Страшно было представить, через какой ад приходилось проходить этой несовершеннолетней девочке в собственной семье.

— Да это же просто немыслимо! Разве нормальный отец может такое сказать?!

— Она не просила вас рожать ее! Родили — так будьте добры заботиться!

— Да он вообще не человек, а тварь какая-то!

— Вы недостойны называться родителями! Если вы не прекратите, мы полицию вызовем!

Одноклассники один за другим вступались за Чжао Кэ. Большинство из них жили небогато, но с подобным родительским скотством они сталкивались впервые.

Цзи Сюэпин крепче прижала к себе плачущую Чжао Кэ, пряча ее лицо у себя на груди. Сдерживая слезы негодования, она ледяным взглядом смерила горе-родителей:

— Если хотите уходить — убирайтесь сами. Сейчас идут занятия, и я никуда ее с вами не отпущу.

Пропойца даже не посмотрел на разгневанную толпу. Шатаясь, он двинулся вперед, изрыгая проклятия в адрес дочери и всех присутствующих:

— Я ее породил, я ее и кормлю! Что хочу, то с ней и делаю! Не вашего ума дело, сопляки, пасти свои позакрывали!

Он наставил палец на дочь:

— Сегодня же поедешь со мной! Хватит штаны в школе протирать! Ишь, ученая выискалась! Только деньги мои зря переводишь!

Цзи Сюэпин вскинула голову, ее голос зазвенел от ярости:

— Да как у вас язык поворачивается?! Школа полностью оплачивает обучение Чжао Кэ! На каникулах эта бедная девочка сама зарабатывает себе на кусок хлеба, да еще и вам, лодырям, умудряется деньги отдавать! Какую копейку вы на нее потратили?! Да вы худший отец на всем белом свете!

Поняв, что словами делу не помочь, пьяный папаша решил действовать силой и двинулся прямо на учительницу, собираясь вырвать дочь из ее рук.

Ребята, стоявшие впереди, мгновенно сомкнули ряды, выстроив живой щит. Самые рослые парни загородили собой девочку и учительницу. Мужчина бросился вперед, собираясь растолкать подростков, но дорогу ему преградила чужая рука — бледная, с тонкими, изящными пальцами. Она казалась настолько хрупкой, что, казалось, переломится от малейшего усилия. Вот только хватка у ее владельца оказалась поистине мертвой. Как ни извивался пьяница, он не сумел высвободить запястье.

— Ты еще кто, твою мать?! А ну отпусти! — заорал он.

Развернувшись с кулаками, он наткнулся взглядом на лицо Чу Вэя, и брань застряла у него в горле. Мужчина был изрядно пьян, зрение подводило его, и в первый миг ему показалось, что перед ним стоит невероятно красивая девушка.

— От... отпусти, слышишь! Не думай, что я бабу бить не стану!

«Бить бабу?..»

Чу Вэй холодно усмехнулся. Сжав запястье дебошира покрепче, он крутанул его руку и без видимых усилий швырнул пьяницу на землю. Раздался глухой, тяжелый удар. Сила, с которой этот хрупкий на вид юноша справился со взрослым мужчиной, поражала воображение. Свидетели этой сцены остолбенели. Каждому в этот миг показалось, что у него начались галлюцинации.

Упав навзничь, пьяница глухо застонал: все тело заныло от боли, а хмель мгновенно выветрился из головы. Его жена в ужасе запричитала на весь школьный двор:

— Людоеды! Средь бела дня человека убивают! Помогите, люди добрые, забивают насмерть!

Но Чу Вэй на этом не остановился. Он неторопливо размял шею, сделал пару шагов вперед и с силой наступил мужчине прямо на грудь, придавливая к земле.

— Ну давай, попробуй ударь, — негромко процедил он.

Вокруг столпились ученики, учителя, даже директор школы, тяжело дыша, прибежал на шум. Но никто не шевельнулся и не попытался остановить Чу Вэя. Все молча наблюдали за происходящим.

Женщина продолжала визжать:

— Да где это видано?! Настоящий бандитизм! Куда учителя смотрят?!

— Так ему и надо... — послышался чей-то тихий голос из толпы.

— Если бы за убийство не сажали, я бы сам его придушил!

— Сволочь пьяная, мало тебе еще дали!

— Закон вспомнили? А сами вы по закону живете?!

Толпа взорвалась гневными выкриками. Ни один человек не сочувствовал поверженному пропойце. Подобное отребье не заслуживало сострадания — ни как родители, ни просто как люди.

Чу Вэй убрал ногу и небрежно отряхнул ладони, будто испачкался обо что-то грязное.

— Проваливай, пока я добрый, — лениво бросил он.

Мужчина, хрипя и держась за ушибленную грудь, кое-как поднялся на ноги.

— Ты у меня еще попляшешь, щегол! Пожалеешь, что на меня руку поднял!

В этот момент за воротами школы взвыли полицейские сирены, перемежаясь с завыванием сирены скорой помощи.

Пьяница, собиравшийся было убраться восвояси, воодушевился. В его глазах блеснул алчный огонек, и он замер на месте:

— О, копы! Самое время! Я на тебя заявление накатаю за избиение! Закон нарушаешь, урод? Теперь ты мне за лечение до конца жизни платить будешь!

Чу Вэй даже бровью не повел. Он лишь хладнокровно усмехнулся:

— Попробуй.

— Кто кого избил? Что-то мы ничего такого не видели! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Вот именно! Сам шел, споткнулся, растянулся на ровном месте, а теперь на честных людей наговаривает!

— Мы все свидетели! Он сам упал и побился!

Один за другим одноклассники вставали на защиту Чу Вэя, дружно выгораживая его перед законом.

Против единого фронта всей школы у мужчины не нашлось аргументов. Злобно сплюнув, он уставился на Чжао Кэ. В его глазах горела бешеная, садистская ярость:

— Дряннь малолетняя! Попробуй только домой сунуться — ноги перелломаю! Тварь!

Выдав напоследок порцию отборного мата, он убрался со двора. Все повернулись к Чжао Кэ. Девочка тихо всхлипывала на плече у классного руководителя, слезы ручьями катились по ее бледным щекам.

Прибывшие полицейские первым делом принялись опрашивать очевидцев. Узнав, что собиравшаяся прыгнуть ученица не пострадала, офицер вздохнул с облегчением, но когда речь зашла о деталях спасения, его лицо вытянулось. Выслушав рассказ учителей о том, как один из школьников поймал ее в воздухе и перенаправил траекторию падения, полицейский строго заметил, что подобные шутки в присутствии органов правопорядка неуместны.

Однако учителя продолжали настаивать на своем. Офицер качал головой: четвертый этаж — это больше десяти метров высоты! Выжить при таком падении — само по себе чудо, а уж проделать такой трюк в воздухе физически невозможно. Это противоречит всем законам биомеханики.

Тем не менее, опросив еще нескольких свидетелей среди учеников и персонала, полицейский замаялся — все говорили слово в слово одно и то же, причем с предельно серьезными лицами. Камер ни у кого в тот критический момент включено не было, так что видеозаписью слова подтвердить никто не мог. Один человек мог соврать, но когда сотня людей твердит то же самое, это перестает казаться выдумкой. В душе офицера зашевелилось жгучее любопытство. Ему страстно захотелось взглянуть на этого чудо-юношу.

К сожалению, самого Чу Вэя на месте не оказалось. Едва приехала скорая помощь, классная руководительница буквально силой затолкала его в салон вместе с Чжао Кэ, чтобы врачи обследовали его в больнице. Полицейские прождали его какое-то время, но вскоре поступил срочный вызов, и им пришлось уехать, так и не дождавшись встречи.

Скорая повезла подростков не в местную уездную лечебницу, а в крупную городскую больницу, дорога до которой заняла больше часа. Цзи Сюэпин, изводя себя тревожными мыслями, поехала вместе с ними в сопровождении еще одного преподавателя. Зная, что обе семьи ребят едва сводят концы с концами, она твердо решила оплатить все обследования из собственного кармана.

Поскольку Чжао Кэ была на грани истерики и требовала постоянного внимания, учителя остались караулить ее, а Чу Вэй вызвался сам отстоять в очереди в регистратуру и оформить все документы. В итоге все медицинские счета он оплатил сам, не взяв у учительницы ни юаня.

Спектр необходимых анализов и тестов оказался обширным, и к моменту, когда все процедуры были завершены, на город уже опустились сумерки. Физически оба подростка оказались абсолютно целы — врачи не обнаружили на них ни единой царапины. Однако у Чжао Кэ

выявили серьезные ментальные проблемы. Психиатр вынес однозначный вердикт: депрессия средней степени тяжести.

Причин у этого недуга могло быть множество, начиная от характера и заканчивая окружением, но в данном случае виновник лежал на поверхности — ее собственная семья. Растить в подобном аду не пожелаешь и врагу; тут сломался бы даже человек с железной волей. Хуже всего было то, что девочка наотрез отказывалась сотрудничать с врачами. Она упорно молчала на все вопросы специалистов, глядя перед собой мертвым, апатичным взглядом.

Расстроенной Цзи Сюэпин не оставалось ничего другого, как забрать ребят и отвезти обратно в уезд. Чжао Кэ была приходящей ученицей, общежитие ей не полагалось, но возвращать ее родителям-садистам было равносильно преступлению. Поэтому классная руководительница решила забрать бедняжку к себе домой, чтобы присматривать за ней лично.

Перед уходом Чу Вэй незаметно начертил на плече Чжао Кэ невидимый талисман успокоения духа, после чего попрощался и направился в сторону общежития. Однако по пути к корпусу он резко свернул в сторону и ловко перемахнул через школьный забор.

Весь день его окружали люди, лишая возможности поговорить наедине с Шифу. Суровый силуэт наставника и выражение его лица не выходили у Чу Вэя из головы. Он отчетливо понимал, что учитель рассержен, но у него просто не было ни единого шанса объясниться. Шифу сердился крайне редко, но каждый раз это отзывалось в душе Чу Вэя невыносимой, тупой болью. Грудь сдавливало так, словно туда забили тяжелый клин, и мир вокруг мгновенно терял свои краски. Чу Вэй никогда глубоко не задумывался над природой этих чувств. Он знал лишь одно: Шифу — самый важный человек в его жизни.

Неподалеку от школы раскинулся заброшенный сквер. Место это было старым, запущенным, и прохожие обходили его стороной. Посреди парка располагался затянутый тиной пруд, от которого разлило тухлой водой, так что желающих прогуляться здесь и вовсе не находилось. Чу Вэй добежал до этого безлюдного места, остановился у самой кромки зарослей и негромко позвал:

— Шифу, ты здесь? Прошу тебя, явись, дай мне поговорить с тобой.

Голос юноши глухим эхом разнесся под сводами старых деревьев, но ответом ему была лишь мертвая тишина. Чу Вэй не знал, слышит ли его наставник, но понимал: молчать больше нельзя. Он должен объясниться.

— Я знаю, что ты сердишься на меня, Шифу, — заговорил он в темноту. — Сердишься за то, что я полез на рожон, забыв о собственной безопасности, за то, что бездумно рисковал жизнью. Но ситуация была критической! Не вмешайся я в ту секунду — и девочка разбилась бы насмерть. Ее час еще не пробил, по судьбе ей предначертано встретить благодетеля и принести немало пользы этому миру. Я спас ее не из глупого хвастовства! Шифу, покажись, прошу тебя... Я осознал свою вину и обещаю, что больше никогда не буду действовать так опрометчиво.

Чу Вэй иссушил себе все горло, но Шифу так и не явился. То ли его действительно не было поблизости, то ли он сознательно игнорировал ученика. Опустившись на полугнилую деревянную скамью, юноша почувствовал, как сердце болезненно сжалось, словно его стиснула невидимая ладонь. Душевная боль была настолько острой, что перехватывало дыхание.

«Почему Шифу молчит? Неужели он решил оставить меня?..»

В глубине души он понимал правоту наставника. Да, у него были особые способности, он превосходил обычных смертных, но это не давало ему права бездумно швыряться своей силой ради сиюминутного порыва. Шифу имел полное право злиться. Чу Вэй раскаивался всей душой, но холодное молчание учителя убивало его. Он просидел на скамье очень долго, вглядываясь в ночную тьму. Обычному человеку в этом заброшенном, черном парке стало бы жутко, но Чу Вэя не пугали призраки. Пока он предавался унынию, откуда-то из глубины зарослей донесся шорох и приглушенный шепот.

— Да тише ты, посмотри сначала, нет ли кого вокруг! — раздался капризный женский голосок.

— Да откуда тут взяться людям? Парк сто лет как заброшен, а на часах глубокая ночь. Давай же, сладкая моя, иди сюда...

— Ах ты, ненасытный... Тут же грязно под ногами, постели хоть куртку!

— Зачем стелить? Постоим, так даже лучше... Господи, как же я соскучился!

Приглушенные голоса мужчины и женщины раздавались совсем близко от скамьи, где сидел Чу Вэй.

«Что они делают здесь посреди ночи? И почему так крадутся?» — удивленно подумал Чу Вэй.

Ведомый любопытством, он бесшумно поднялся со скамьи и скользнул за деревья. Ночная тьма не была для него преградой: его обостренное зрение позволяло видеть все до мельчайших деталей. Стоило ему обогнуть толстый ствол раскидистого вяза, как взору предстала тесно прижавшаяся друг к другу парочка.

Он отчетливо видел каждое их движение и детали одежды. Мужчина торопливо расстегивал на женщине кофту...

«Что... что это они делают?» — изумился юноша.

Разум подсказывал ему, что подсматривать за подобным неприлично, а сердце внезапно забилось чаще, заставив щеки вспыхнуть краской. И все же наивное любопытство взяло верх, заставив его остаться на месте в ожидании развязки.

В тот момент, когда он замялся, перед глазами внезапно потемнело. Чья-то прохладная ладонь мягко, но плотно закрыла ему обзор. В нос ударил тонкий, едва уловимый аромат свежей хвои и лесных трав. А у самого уха раздался бархатистый, низкий голос:

— Малыш, не стоит тебе смотреть на подобные глупости.

Сердце Чу Вэя радостно екнуло. Шифу! Наставник все-таки пришел! Вот только почему ему нельзя смотреть? Неужели эти двое занимаются чем-то постыдным?

Юный «Мастер Чу» из глухой горной деревушки всю свою недолгую жизнь посвятил исключительно учебе и изнурительным духовным практикам. О плотских уладах взрослых он не имел ни малейшего представления — в его окружении просто некому было просветить юношу в подобных вопросах. Впервые столкнувшись с таинством близости, он сгорал от наивного желания разобраться во всем до конца. Однако Шифу не позволил. Его ладонь надежно преграждала свет, а слух наставник мягко запечатал тонким слоем духовной энергии. Сразу после этого вокруг поднялся резкий порыв ветра.

Внезапный ураган заставил верхушки деревьев зловеще застонать, а в кронах послышался утробный, пугающий гул. И без того мрачный старый сквер вмиг превратился в декорацию к фильму ужасов. Парочка, уже вовсю предававшаяся ласкам, от неожиданного ледяного ветра вмиг растеряла весь пыл.

— Что это за звук? Боже, мне страшно! Откуда здесь взялся такой ветер? — испуганно зашептала женщина, затравленно оглядываясь по сторонам.

— Да обычный сквозняк, — попытался успокоить ее партнер, хотя у самого по спине пробежали мурашки. — Давай быстрее закончим и уйдем.

Он попытался продолжить, но буря разыгралась не на шутку. Ветер взвыл разъяренным зверем, заставив многовековые стволы угрожающе скрипеть и гнуться.

— Нет, я ухожу! Говорят, тут призраков видели! Уходим, уходим! — Женщина в панике натянула кофту и бросилась прочь из кустов.

Мужчина, чья храбрость тоже улетучилась без следа, поспешил за ней.

Как только шаги испуганных любовников затихли вдали, яростный ветер мгновенно улегся. Лишь сорванные листья усеяли землю, а сквер вновь погрузился в безмятежное ночное спокойствие. Только тогда Шифу снял заглушающее заклятие с ушей Чу Вэя и убрал прохладную ладонь от его лица.

Чу Вэй смаргивал пелену и порывисто развернулся к наставнику. Стоило ему поднять голову, как он застыл, не в силах вымолвить ни слова. Тусклый лунный свет едва пробивался сквозь

кроны деревьев, но юноша видел лицо Шифу с безупречной ясностью. В своих фантазиях он сотни раз рисовал портрет учителя. Ему представлялся то седовласый старец с длинной бородой, то умудряющий опытом даос. Ведь Шифу сам не раз называл себя древним Лаоцзу, а значит, должен был быть глубоким стариком. Но реальность превзошла все ожидания. Глядя на него, Чу Вэй понял: его наставник и должен быть именно таким.

Шифу оказался самым красивым мужчиной, какого ему доводилось встречать. Глубокие глаза, мерцающие таинственным светом, точеный нос, очертания тонких губ — каждая черта его облика была столь безупречной, что отвести взгляд казалось невозможным. Юноша стоял, затаив дыхание.

Хуа Жун опустил взгляд на замершего ученика. Решив, что тот все еще переживает из-за недавнего инцидента, он негромко усмехнулся и ласково потрепал юношу по макушке:

— Ну и чего ты застыл?

Хотя Шифу не имел физического тела, прикосновение его руки ощущалось вполне осязаемо и тепло.

— Шифу просто слишком красивый, — бесхитростно признался Чу Вэй. — Вот я и залюбовался.

Хуа Жун убрал руку и с напускным безразличием спросил:

— И где только набрался этой лести?

— Я говорю чистую правду! — с абсолютной искренностью ответил юноша. — Ты действительно самый красивый человек на свете.

Хуа Жун посмотрел на юношу сверху вниз. Тот, похоже, даже не догадывался, насколько хорош собой сам. Если уж говорить о красоте, то мало кто в этом мире мог бы сравниться с самим Чу Вэем.

Чу Вэй, вспомнив, как Шифу закрывал ему глаза, с любопытством спросил:

— Шифу, а что все-таки делали те мужчина и женщина? Почему мне нельзя было смотреть?

На его лице отразилось искреннее желание докопаться до сути. Как и в детстве, сталкиваясь с чем-то непонятным, он шел со своими вопросами к наставнику, искренне считая его всеведущим. Он не испытывал ни малейшей неловкости, спрашивая об этом с непосредственностью невинного ребенка.

Хуа Жун пристально посмотрел на ученика, и в глубине его темных глаз промелькнуло

сложное, нечитаемое выражение.

— Ты действительно хочешь это знать? — негромко спросил он.

— Мне просто любопытно, — кивнул Чу Вэй.

Разве могло существовать в мире что-то, от чего его стоило так рьяно оберегать?

Наставник долго молчал, вглядываясь в лицо юноши. Казалось, он порывался что-то объяснить, но в последний момент передумал и лишь сухо обронил:

— Вырастешь — сам все поймешь.

Прежде чем Чу Вэй успел возразить, Шифу ловко сменил тему, как бы между прочим поинтересовавшись:

— Как себя чувствует та девчонка, которую ты спас сегодня?

Заметив, как потеплел тон наставника, Чу Вэй понял, что буря миновала и Шифу больше не сердится. Совершенно не обратив внимания на то, как учитель отвел взгляд, он честно доложил:

— Учитель Цзи заблокировала ее у себя дома. Благодаря тебе она не получила ни единой царапины при падении. Но вот душевные раны у нее глубокие, боюсь, быстро такое не лечится.

Хуа Жун задумчиво хмыкнул:

— И как она тебе?

Чу Вэй растерялся:

— В каком смысле?

Глядя на недоумевающего парня, Хуа Жун мысленно усмехнулся собственной глупости. И зачем он вообще об этом спрашивает? Этот наивный глупыш до сих пор и понятия не имеет, как популярен в школе и сколько девичьих сердец заставляет биться чаще. Раз уж он совершенно не смыслит в делах сердечных, то и не стоит забивать ему голову раньше времени.

Хуа Жун качнул головой:

— Забудь. Тебе пора возвращаться в общежитие и спать.

С самого утра парень провел в дороге на поезде, а едва вернулся, как без передышки применил Технику Гипноза, бросился спасать самоубийцу, а затем полночи мотался по больницам. И теперь, вместо того чтобы отдыхать, он упрямо стоит посреди заброшенного парка, силясь оправдаться за сущие пустяки. Хуа Жун даже не знал, злиться ему на этого упряма или пожалеть его.

Чу Вэй, однако, не спешил уходить. Он заглянул Шифу в глаза и тихо спросил:

— Шифу, ты все еще сердишься на меня?

Если бы наставник ответил «да», он бы продолжил подбирать слова для извинений. Но у Хуа Жуна, даже если бы и оставалась капля раздражения, она давно испарилась.

— Если так боишься моего гнева, старайся совершать поменьше глупостей, — ворчливо бросил он. — А теперь марш в кровать.

Услышав это, Чу Вэй наконец вздохнул с облегчением. Тревога, терзавшая его весь вечер, бесследно растаяла.

Скрытое прощение Шифу наполнило его душу теплом. На губах юноши расцвела невольная, искренняя улыбка. Увидь ее одноклассники, они бы потеряли дар речи — ведь в школе Чу Вэй всегда держался подчеркнуто холодно и отстраненно. Непрístupный отличник перед своим наставником мгновенно превращался в обычного, простого мальчишку. С легким сердцем он зашагал обратно, чувствуя, как улетучилась вся тяжесть.

Ловко перемахнув через ограду школы, Чу Вэй проигнорировал парадный вход и лестницу. Цепляясь за выступы на кирпичной кладке, он бесшумно вскарабкался по внешней стене и скользнул в окно своего этажа. Благо школьная система видеонаблюдения оставляла желать лучшего, иначе его акробатическим трюкам пришлось бы долго искать логичное объяснение. На часах была глубокая ночь, коридоры и комнаты общежития тонули во тьме. Спящие студенты мирно посапывали, когда Чу Вэй, бесшумно ступая, отворил дверь своей комнаты.

Но едва он переступил порог, как из темноты, словно загробный стон, раздался полный тоски голос:

— Еще бы немного, и я пошел бы заявлять в полицию о твоём исчезновении.

Оказалось, Хуа Хайцзюнь проторчал в туалете больше получаса, сочиня правдоподобную отговорку для соседа, но вернувшись в комнату, обнаружил лишь пустоту — от Чу Вэя не осталось и следа. Пока он недоумевал, со двора донеслись сирены полиции и скорой. Так он понял, что в школе стряслось нечто из ряда вон выходящее.

Прибежав к учебному корпусу, Хайцзюнь надеялся отыскать соседа, но тот уже уехал на скорой. Весь оставшийся день парень только и делал, что выслушивал от одноклассников безумные истории о героическом спасении Чжао Кэ. Кто-то из местных остряков даже успел сочинить по этому поводу хвалебную оду:

Бесстрашно прыгнул на козырек,

Рукой железной девчонку увлек,

Подонка-отца проучил за проступок,

Взлетел без царапин — силен и упруг!

Герой без страха и без изъяна,

Чу Вэй из Ичжуна — гроза хулигана!

Выслушав эти дифирамбы, Хуа Хайцзюнь почувствовал себя полным ничтожеством. Зачем дядя вообще отправил его сюда? Неужели просто для того, чтобы уязвить его самолюбие? Разве такой монстр нуждается в чьей-то опеке? Не дождавшись соседа в классе, он вернулся в общежитие и продолжил дежурство. Закончилась вечерняя самоподготовка, все разошлись по комнатам, погас свет, а Чу Вэй все не было. Хайцзюнь и сам толком не понимал, почему караулит его, но какая-то упрямая злость требовала дождаться и выяснить все до конца. Откуда дядя выкопал этого парня? И какие отношения связывают их на самом деле?

В итоге он прождал до самой полуночи и уже засыпал на ходу, когда дверь наконец тихо скрипнула.

Чу Вэй удивился, что сосед до сих пор на ногах. На расспросы он ответил крайне небрежно:

— Настроение паршивое было, решил погулять по территории.

— С чего бы вдруг паршивое? — фыркнул Хайцзюнь.

Даже в темноте он отчетливо слышал в голосе сожителя скрытую радость. Чтобы у человека после спасения жизни и ночной прогулки было «паршивое настроение»? Да кто поверит в эту чушь!

— А я что, обязан перед тобой отчитываться? — парировал Чу Вэй.

Захватив сменную одежду, Чу Вэй направился в душ, но у самой двери спохватился: парень

ведь купил кучу вещей для их общей комнаты, а долг так и остался невыплаченным. Он остановился и достал телефон.

— Назови свой номер счета или покажи QR-код, я переведу тебе деньги.

Хайцзюнь еще не успел переварить ложь про настроение, как разговор резко переключился на финансы.

— Какие еще деньги?

— За все эти вещи в комнате, — пояснил Чу Вэй. — Я обещал вернуть свою долю.

Хайцзюнь с самого начала не собирался брать с него ни копейки, но серьезный, не терпящий возражений вид соседа заставил его неохотно потянуться за собственным телефоном.

Однако стоило ему взглянуть на экран телефона Чу Вэя, как он онемел от изумления. Несмотря на темноту в комнате, яркого свечения дисплея вполне хватало, чтобы рассмотреть корпус во всех деталях. Это была новейшая флагманская модель — безумно дорогая и выпущенная крайне ограниченным тиражом. Хайцзюнь сам мечтал заполучить такой аппарат, но из-за дефицита так и не смог сделать предзаказ.

Но главное было в другом. В руках Чу Вэя красовался один из двух существующих в мире аппаратов эксклюзивной парной серии для влюбленных. Задняя панель этого смартфона была украшена уникальной гравировкой ручной работы — купить такой в обычном магазине было попросту невозможно. И второй точно такой же телефон Хайцзюнь уже видел. У своего младшего дяди, который трясся над ним как над величайшим сокровищем и запрещал племяннику даже прикасаться к нему.

От этого осознания мысли в голове молодого наследника семьи Хуа окончательно запутались, а мозг выдал критическую ошибку.

«Это... это что вообще значит?!»

— Ну же, шевелись, я засыпаю на ходу, — поторопил его Чу Вэй.

Хайцзюнь на негнущихся ногах сделал шаг вперед и заторможенно вывел на экран QR-код. Валяющийся с ног от усталости Чу Вэй даже не взглянул на перекошенное лицо сожителя. Быстро отсканировав код и отправив перевод, он скрылся за дверью душевой.

Хайцзюнь остался стоять посреди темной комнаты в полном ступоре.

Как избалованный столичный наследник, Хайцзюнь прекрасно знал изнанку жизни золотой

молодежи Пекина. В их элитном кругу нравы были свободными и порой шокирующими. Тайные романы, интрижки, связи с мужчинами и женщинами — грязи и слухов хватало с избытком, и он с ранних лет привык ко всему этому относиться цинично.

Сам он при всей своей лени и скверном характере в делах любви оставался на удивление старомодным и консервативным. Возможно, сказывался пример отца, который всю жизнь обожал только его маму и слыл образцовым подкаблучником. В понимании Хайцзюня, парные вещи создавались исключительно для тех, с кем планируешь разделить жизнь до самого конца. И то, что он узнал сейчас, повергло его в глубочайший шок.

Дрожащими пальцами он открыл мессенджер Вэйляо и отыскал контакт младшего дяди. Он несколько раз набирал длинные гневные и растерянные сообщения, но тут же стирал их. В конце концов он отправил короткую фразу:

«Дядя, я видел телефон Чу Вэя».

Понимая, что на дворе глубокая ночь, Хайцзюнь не рассчитывал на скорый ответ. Он написал это скорее для собственного успокоения — иначе до утра не сомкнул бы глаз. К его огромному удивлению, дядя не спал. Ответ пришел почти мгновенно.

«И как? Тебе не нравится дизайн?»

Хайцзюнь лишился дара речи.

При чем тут дизайн?! Разве он об этом спрашивал?! Скрежеща зубами, он быстро забарабанил по экрану:

«У тебя точно такой же телефон. Один в один».

Намек яснее некуда. Неужели дядя даже не попытается оправдаться или все отрицать?

Очередное сообщение высветилось на экране через секунду:

«Эксклюзивная парная серия для влюбленных. Всего два экземпляра в мире. Что именно тебе здесь непонятно?»

Хайцзюнь несколько раз перечитал короткую строчку, силясь найти в ней скрытый смысл или хотя бы шутку. Но нет, смысл оставался предельно прямым. В голове молодого человека словно взорвалась бомба. Он замер, не в силах пошевелить даже пальцем.

Телефон в руке снова завибрировал:

«Если у тебя есть вопросы, задавай их мне лично. И упаси тебя бог проболтаться Чу Вэю».

«Пресвятые угодники... Дядя влюбился в парня. Да еще и в одностороннем порядке!»

Хайцзюня бросило в холодный пот при одной мысли о том, что в будущем ему, возможно, придется называть своего грозного сверстника «теткой». От одной этой мысли кровь стыла в жилах. Он торопливо заблокировал экран, натянул одеяло до самого носа и зажмурился.

Хватит с него открытий на сегодня. Больше он знать ничего не желает. Это просто кошмарный сон. Стоит ему проснуться утром, как все окажется обычным недоразумением.

Вышедший из душа Чу Вэй бережно положил свой телефон на тумбочку рядом с кроватью, забрался под одеяло и мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

Утром Хайцзюнь проснулся от бесцеремонного хлопка по плечу. С трудом разлепив заспанные глаза, он разыскал телефон — стрелки показывали ровно шесть утра. Самое благословенное время для сладкого сна! Однако у его соседа на этот счет было другое мнение.

Чу Вэй уже стоял посреди комнаты в новеньком спортивном костюме, свежий и бодрый, явно успев сделать разминку на улице.

— Подъем. Живее, иначе опоздаем на утреннюю пробежку.

Для столичного мажора мысль о том, чтобы подняться в такую рань, да еще и бежать куда-то, казалась изощренным издевательством. Он не помнил, когда в последний раз занимался спортом.

— Отвяжись... — пробормотал он, зарываясь глубже в подушку. — Беги сам, а мне надо поспать.

Но Чу Вэй отступить не планировал.

— Если сейчас же не встанешь, я переверну твою кровать вместе с тобой. Раз уж приехал учиться, изволь соблюдать режим. Утро — лучшее время для самосовершенствования, нечего тратить его на лень.

Закутавшись в одеяло поплотнее, Хайцзюнь лишь презрительно фыркнул. Мало ли что этот деревенщина плетет! С места он не сдвинется, хоть стреляй.

— Ну попробуй, переверни, — сонно пробормотал он, уверенный, что это лишь пустая угроза.

В следующую секунду земля ушла у него из-под ног. Хайцзюнь ощутил странную невесомость, словно парил в воздухе, а резкий утренний сквозняк, хлестнувший по лицу, мгновенно вымел из головы остатки сна.

Он резко распахнул глаза и обомлел: прямо перед его лицом возвышалась кирпичная стена соседнего корпуса, а внизу зияла пустота. Опустив взгляд, парень с ужасом осознал, что лежит на матрасе, который вместе со всей деревянной рамой кровати парит на весу за перилами балкона. Стоило ему шевельнуться, и вся эта шаткая конструкция ухнула бы вниз с высоты четвертого этажа.

Сонливость как рукой сняло. Перед лицом смертельной опасности несчастный наследник закричал во все горло:

— Тетушка! Тетушка, я был неправ! Я встаю, встаю, только затащи меня обратно!

<http://bllate.org/book/19040/1950544>